

УДК 81-119

DOI: 10.17223/19986645/51/6

И.А. Шаронов

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ВВОДНЫХ СЛОВ И КОММУНИКАТИВОВ

Анализируются вводные слова и обороты, их синтаксические, семантические и прагматические свойства, функции в речевом акте как гамбитов и дискурсивных слов, проблемы объединения с функциональным классом коммуникативов (ответных реплик). Сопоставление характеристик вводных и коммуникативов проводится на единицах, которые входят в оба рассматриваемых класса. Демонстрируются принципиальные различия, которые не позволяют адекватно описывать вводные и коммуникативы в одном формате.

Ключевые слова: вводные слова и обороты, коммуникативы, семантика, прагматика, речевые акты, лексикография.

Семантика и прагматика вводных слов и оборотов (далее – вводных), особенности их употребления стали объектом лингвистических исследований относительно недавно. Традиционное языкознание занималось прежде всего исследованием формального устройства предложения, и вводные рассматривались по отношению к предложению лишь как аграмматичная приставка. В статье последовательно анализируются некоторые аспекты формального, семантического и прагматического описания вводных, интерпретации их как гамбитов и дискурсивных слов. Особое место занимает раздел, в котором вводные сопоставляются с коммуникативами – короткими ответными репликами диалога.

Формальный уровень

В морфологии однословные формы в позиции вводного относят чаще всего к наречиям, однако их синтаксическая отделенность, невозможность быть членом предложения отличают их от стандартных единиц этой части речи. В.А. Белошапкова вслед за В.В. Виноградовым выделяет однословные вводные в особый частеречный класс и определяет их как «модальные слова» [1. С. 354–355].

Развернутые списки вводных слов и оборотов можно найти в словарях служебных слов и на сайтах интернета (см. [2–4] и др.). Списки разнятся: в словаре [3] под редакцией В.В. Морковкина насчитывается 208 вводных, а на сайте Грамота.ру их список составляет 397 единиц. Полного списка вводных в русском языке нет и он вряд ли возможен ввиду нечеткости границ класса.

На синтаксическом уровне исследователи отмечают интересную особенность вводных. Несмотря на их синтаксическую автономность, некото-

рые единицы могут по смыслу быть связаны не с предложением в целом, а с той или иной его частью [5, 6]. Например, вводные переименования и пояснения: *точнее; иными словами; иначе говоря* – имеют фиксированное положение в предложении, локализуясь между первичной и вторичной номинациями одного описываемого объекта¹.

Я был на одной такой *защите по истории Русской Церкви, точнее – по реформам Духовных Академий* (Протоиерей Владимир (Воробьев), А.А. Данилова. Невероятные приключения теологии в России).

И было, очевидно, ещё одно лицо, которое *представляло себе ситуацию так же, как он. Иными словами, тоже полагало, что убийства не будет* (В. Белоусова. Второй выстрел).

К вводным относят также обороты предложенческого типа, связанные с главным предложением бессоюзной связью. Формальные показатели «вводности» таких оборотов описаны в [7. С. 322]. К ним относятся: 1) возможность перестановки оборота внутри предложения: *Я думаю, он согласится; Он, я думаю, согласится; Он согласится, я думаю*; 2) отсутствие фразового ударения по причине коммуникативной вторичности вводного по сравнению с главным предложением, к которому оборот примыкает.

Семантический-прагматический уровень

На семантические особенности вводных одним из первых обратил внимание В.В. Виноградов [8. С. 38–79], который заметил, что этими словами говорящий выражает отношение к форме и содержанию своего высказывания, и отнес вводные к средствам выражения субъективной модальности. С развитием семантических теорий вводные слова и конструкции стали объектом более пристального внимания лингвистов. А. Вежбицкая определяет эти единицы как авторские «вкрапления» в текст, на основе анализа их функций выявляя особый, метатекстовый план речи, автокомментирование плана повествования [9. С. 402–421]. Ю.Д. Апресян в статье [10. С. 141], анализирует вводные и акцентирует внимание на закреплённости в этих единицах субъектной валентности говорящего, часто не имеющей формального выражения (наверное = ‘я предполагаю’; безусловно = ‘я уверен’). Развивая эту мысль, Е.В. Падучева включила вводные наряду с дейктическими словами и некоторыми другими единицами в разряд эгоцентриков и исследовала на их примере связь субъективной модальности с нецитируемостью и синтаксической неподчинимостью [7. С. 259].

Наряду с собственно вводными словами в список этого класса входит также немало слов, имеющих вводные употребления. Знаменательные слова при переходе в вводные часто теряют грамматические характеристики, как словоизменяемые, так и сочетаемые, модифицируют лексиче-

¹ В приводимых примерах вводный оборот выделен полужирным (как и во всех последующих примерах), а номинации объекта, обрамляющие оборот, даны курсивом.

ское значение. Например, стандартная форма глагола *скажу* отличается от форм *говорю* и *говорят* по виду и времени, две последние различаются по лицу и числу. Однако в составе вводных оборотов *я тебе скажу*, *я тебе говорю* и *тебе говорят* эти грамматические противопоставления теряют релевантность, глагольные формы «замораживаются», становятся десемантизированными компонентами идиом, обладающих разными прагматическими характеристиками, не выводимыми из семантики составляющих их лексических единиц.

К числу прагматических характеристик вводных относится, в частности, избирательность по отношению к коммуникативным типам высказывания. В статье [5] обращается внимание на невозможность примыкания вводных *случайно*, *случаем* к повествовательным предложениям, *должно быть*, *грешным делом*, *чего доброго* – к побудительным и т.д. Продолжая развивать мысль в том же направлении, отметим, что многие вводные могут более или менее однозначно указывать на тип речевого акта. Рассмотрим упоминаемые выше обороты *я тебе скажу*, *я тебе говорю* и *тебе говорят*.

Вводный оборот *я тебе скажу* используется преимущественно при оценочных утверждениях для усиления воздействия на собеседника.

Да и сам он, я тебе скажу, та ещё штучка (А. Волос. Недвижимость).

Эх, и дурак же ты, я тебе скажу, ваше сковородие (А.И. Пантелеев. Ночные гости).

Вводный оборот *я тебе говорю* используется при повторном акте убеждения для снятия сомнений и неуверенности у собеседника.

– Дотащим, никуда не денемся. – Вы же не донесете вдвоем! – в плаче выкрикнула мать. – **Я тебе говорю:** дотащим! Волоком дотащим (З. Прилепин. Санька).

Там у него голая баба нарисована до такой степени железно, что даже не стоит... Факт из религии подобран... – Обнажённая? – с натугой и сомнением переспросил Рябов. – Да голая, я тебе говорю (С. Довлатов. Солдаты на Невском).

Резкий и категоричный оборот *тебе говорят* используется в основном при повторном требовании для усиления воздействия на собеседника, не отреагировавшего на первое побуждение.

– Миша, Мишенька, вставай, вставай. **Тебе говорят,** вставай! – надрывалась жена. – Прокурор приехал (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

– Одевайся! – приказал он. – Зачем? – Одевайся, **тебе говорят!** Едем на почтамт, оттуда позвонишь (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

– Пошёл вон, – вдруг сказал он. – Не можешь чесать. Не умеешь. – Да я, Федечка... – Пошёл вон, **тебе говорят.** Скребёт, царапает. Нежности нет никакой (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы).

Возможность указывать на тип речевого акта помогает говорящему поддерживать плавный ход разговора, подготавливать слушающего к восприятию своего очередного речевого действия. В дискурсивных исследованиях анализируемые с таких позиций вводные получили название «гамбиты» [11. С. 93–113; 12. С. 1–17], т.е. шаблонные обороты речи, употребление которых связано с более или менее стандартной коммуникативной ситуацией. Часто гамбиты локализуются в начале высказывания для маркирования речевой интенции последующего высказывания. Например, начиная речь с *подумать только*, говорящий подготавливает собеседника к сообщению о необычной информации; начиная с *заруби себе на носу* подготавливает к предупреждению о недопустимости поведения, совершения потенциальных действий; говоря *не обессудь*, побуждает не разочаровываться и не обижаться от того, что сейчас услышит или услышал.

– *Подумать только*, – сказал один из троицы, – *приключений приехал искать из Свердловска! Потеха, правда?* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора).

И заруби себе на носу: к этому проходимцу уйдешь разве что через мой труп! (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).

– *Не обессудь*, голубчик, расскажи гостю ещё раз всё, что мне излагал (И. Наумов. Обмен заложниками).

Некоторые вводные обороты имеют в своем составе глагол речи в форме 1-го лица наст. / буд. времени. Такие употребления глаголов речи не стоит смешивать с перформативными, передающими актом своего употребления то или иное речевое действие.

(1) *Прошу вас зайти / не шуметь / поторопиться*

(2) *Прошу вас, зайдите / не шумите / поторопитесь!*

В первом примере занимающий позицию предиката речевой глагол *прошу* является одновременно и именем совершаемого говорящим действия (побудительного акта просьбы), и самим действием. Во втором примере побуждение реализуется через императив, *прошу* во вводном обороте лишь уточняет иллокутивный тип побудительного речевого акта, к которому оборот примыкает. В устной речи тот же уточняющий компонент коммуникативного смысла может быть передан и без вводного, одной интонацией.

Для спецификации конкретного типа побудительного акта в речи используется большая группа вводных слов и оборотов и их вариаций: *пожалуйста; будь добр / любезен, будь другом, сделай одолжение, будь человеком, ради бога, ради всего святого, кому сказал, кому было сказано, не будь дураком / душой, даже и не думай* и т.д.

Просьба

Уточнение, или маркирование, побудительного высказывания как деликатной просьбы осуществляется с помощью вводных *пожалуйста; будьте добры / любезны, будь другом, сделай одолжение, сделай милость* и др.

Раз уж речь зашла о фестивалях, то расскажите, пожалуйста, о фестивале детских театров, который прошёл в конце прошлого сезона (А. Гулина. Слух к чужой боли).

***Будьте добры**, Лев Иванович, соберите к двум часам ко мне всех свидетелей по этому делу* (Н. Леонов. Лекарство от жизни).

***Будьте любезны**, выскажите свое мнение по поводу косметики фирмы Ив Роше* (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум). 2005).

*Дядя Жора с рассеянным взглядом потрогал остывший чайник. – Кирилл, **будь другом**, поставь еще. И принеси в палатку, там уютней...* (Д. Каралис. Космонавт).

*Не говори мне про него, **сделай милость**, не говори!* (А.Н. Островский. Гроза).

Уговаривание

Маркирование побудительного высказывания как уговаривания реализуется вводными: *ну пожалуйста; будь человеком, ради бога* и др.

*– Конечно, друзья... – Что кончилось, герр? **Ну, пожалуйста**, скажите!* (А.П. Платонов. Епифанские шлюзы).

*Продай, Степан Михалыч! Продай! **Будь человеком!** Пойди навстречу! Войди в положение!* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет).

***Ради бога**, пойми меня, мой друг, – продолжал он, – я знаю, что от тревог нам бывает всегда больно, я жил и узнал это* (Л. Толстой. Семейное счастье).

*– Ну, ну! Дальше, дальше, умоляю вас. Но только, **ради всего святого**, не пропускайте ничего!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Повторное требование

Очень часто необходимость перехода от нейтрального побуждения к требованию происходит в случае, когда адресат проигнорировал призыв. В таких случаях используются вводные: *(я) кому сказал, кому было сказано*, которые обычно располагаются в конце предложения.

*Владимир, вернись! Владимир, **кому было сказано!** Вернись!* (Э. Радзинский. Обольститель Колобашкин).

*Бросай его, гада! Бросай, **кому сказал!*** (В. Михальский. Для радости нужны двое).

Совет

При попытке убедить в полезности для самого адресата совершить действие как усилители могут использоваться вводные обороты: *не будь дураком / дурой; даже и не думай* и др.

*Ирина Сергеевна, улучив момент, шепнула дочери: – **Не будь душой**, не упусти! Таких мужиков – один на миллион!* (А. Слаповский. Синдром Феникса).

*И, знаешь что, – у нее дене-е-ег... до хрена! Прямо уж не знаю – откуда, но, подозреваю – не-ме-ря-но! Это я – чтоб ты знала. Учти, все – тебе, **даже и не думай!*** (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Вводные и коммуникативы

Единицы в функции вводных часто рассматривают в рамках более широкого функционального класса дискурсивных слов (см. [13–15]), объединяя и описывая их вместе с репликовыми употреблениями этих единиц. Так, при описании дискурсивных свойств слова *конечно* обычно объединяют контексты типа: *Он, конечно, пришел* и *Он пришел? – Конечно*.

Анализ слов и оборотов в двух функциях – функции вводного и функции ответной реплики диалога (коммуникатива) – выявляет у единиц как общие свойства (периферийная зона языковой системы; десемантизация и идиоматизация; субъективная модальность, выражение мнения и эмоциональной оценки говорящего лица), так и отличия. Свойств, различающих две группы единиц, достаточно много, и некоторые из них носят принципиальный характер.

Во-первых, не все вводные способны быть использованными как ответные реплики; во-вторых, возможность использования слова одновременно как вводного и как коммуникатива может иметь лишь временный характер; в-третьих, значения слова или оборота в этих функциях различаются, и установить связь между значениями удастся не всегда; и наконец, в четвертых, формат описания единицы в каждой функции принципиально разный. Рассмотрим эти положения более детально.

1. Неспособность многих вводных иметь коммуникативное употребление. Данное свойство отмечается в уже упоминавшейся статье [5]. В качестве иллюстрации авторы указывают на вводные *к счастью*, *чего доброго*, *верно*, которые могут использоваться в ответе на вопрос, но только в качестве вводных оборотов, а не самостоятельных реплик:

Он придет вечером к нам? – К счастью, да / Да, и не один, чего доброго / Он был здесь вчера вечером? – Да, и верно, с компанией.

Употребление в качестве самостоятельной ответной реплики (коммуникатива) невозможно:

*Он придет вечером к нам? – *К счастью / *Чего доброго / *Верно.*

Ю.Д. Апресян пишет о немотивированности данного прагматического свойства, аргументируя свой тезис возможностью подтверждающего ответа на вопрос *Он устал?* единицами *вероятно*; *конечно*; *пожалуй*, но не **верно*, при том что «*верно* — почти точный, хотя и архаичный, синоним *вероятно* в рассматриваемом значении; ср.: *Он, верно <вероятно>, устал* [10. С. 139].

Вывод автора в целом справедлив, но анализ иллюстративного примера требует уточнения. Из того, что *верно* не способно служить подтверждающим ответом на общий вопрос, не следует, что данная единица не может быть коммуникативом. Как ответная реплика *верно* используется в ответ на утвердительные высказывания, выражая три модификации значения подтверждения и согласия с собеседником:

(1) Подтверждение неуверенного предположения собеседника.

– *Насколько известно, у вас уже имеется неприятный опыт выступлений на катке в Солт-Лейке...* – **Верно.** *В прошлом году в марте там состоялся чемпионат мира на отдельных дистанциях, и на «пятисотметровке» в первом повороте я не удержался на ногах и улетел в маты* (С. Подушкин. Дмитрий Дорофеев: «Придется бить рекорд России» (2002) // Известия. 2002. 28 янв.).

(2) Эмоциональное подтверждение факта на основе мгновенной проверки или припоминания.

– *Этот платок стал волшебным. Вот я сворачиваю его трубкой, вот подношу к свече и поджигаю. Горит.* – **Верно!** – *кричал пьяный. – Паленым пахнет* (В. Белов. Гудят провода).

Кудлатый какой-то выскочил из тумана – прямо на меня! Руками машет и кричит: «Леший я, леший!» Морда страшная! – Да, – вспоминал Николай, – верно. Утром всё началось (Ю. Коваль. Гроза над картофельным полем).

(3) Одобрительное согласие с мнением, оценкой собеседника.

Да нешто без водки можно? Не говоря уж о том, что душа требует, а и дела без неё никакого не сделаешь: заявление какое подать, в волость идти – что ж, ты и явишься с пустыми руками? – **Верно, верно** – *отозвались дружные голоса* (П. Романов. Дым).

– *Не кричите, всё слышно.* – **Верно, верно,** *могут услышать, – зашептал Остап быстро* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

2. Свойство иметь репликовое употребление может быть временным. Рассмотрим это утверждение на примере использования единиц *предположим* и *положим*. В качестве вводных *предположим* и *положим* были и остаются синонимичными, легко заменяя друг друга в стандартных контекстах.

– *Что ж, – сказала Надя, – мне и Алка Постоева говорила: «Твой папа в гении вышел».* – **Ну, положим** (ср.: **предположим**. – И.Ш.), *до гениев мне далеко, – сказал Штрум* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

Однако использоваться в качестве коммуникатива, выражать речевой акт неуверенного подтверждения или допущения в современном русском языке может, как кажется, только *предположим*:

– *Он ведь был там?* – **Ну, предположим** /² **Положим**.

При этом анализ материала, собранного в Национальном корпусе русского языка [16], демонстрирует, что с начала до середины XX в. достаточно распространенным было употребление *положим* в качестве коммуникатива. Использовалась эта единица в диалогической речи не в значении подтверждения, как можно было ожидать, а антонимично, в значении выражения:

– Да, – ответил я. – Я даже вижу каналы. Я знал, что на Марсе живут люди – марсиане – и что они выкопали неизвестно для чего на своей планете громадные каналы. – **Ну, положим!** – сказал отец. – Не выдумывай! Никаких каналов ты не видишь (К. Паустовский. Золотая роза).

– У меня больше денег, чем у твоего Котьки. <...> – **Ну, положим,** – протянула Галя. – И совсем не больше. Котька знает сколько у медника получает? (В. Беляев. Старая крепость).

– Раздумала и шабаш! Да хоть бы слово дала... Разве уж не может взять его назад... В таких делах не позорно не сдержать слова... Любовь... это... сам знаешь, совсем особенная штука... – **Ну, положим...** Особенная. – Так извини, Коля, а в тебе только мужское самолюбие говорит. Втюрился, так и в тебя должны втюриться. А она не желает! – Ну и черт с ней! (К.М. Станюкович. Пари).

Найти семантическое объяснение для появления, а потом исчезновения такого употребления вряд ли возможно. Скорее, это похоже на траекторию модных слов, взлетающих на небосклон бытовой коммуникации и плавно исчезающих под напором новых речевых «кумиров».

3. Статус слова в функциях вводного и коммуникатива принципиально разный; может различаться и значение. Основное противопоставление здесь касается прагматики: отношения к возможности / невозможности реализовывать речевой акт. Как уже было показано, коммуникативы служат для выражения ответного речевого акта, а вводные могут быть использованы только для его уточнения и усиления. Вводное слово выражает только позицию говорящего, коммуникатив диалогичен по своей семантике, в которой отражается позиция обоих участников коммуникации.

Возможны расхождения и на семантическом уровне. Например, сочетания *будь (так) добр, будь (так) любезен, сделай милость, сделай одолжение* в качестве вводных оборотов при побудительном акте интерпретируют его в качестве деликатной просьбы (см. выше); в качестве же ответной реплики они выражают уже иное: благодарное, возможно, несколько высокопарное согласие в ответ на любезное предложение собеседника, выражение им готовности сделать что-л. необходимое, полезное, приятное для говорящего или для третьих лиц:

– Зернистой икорочки? – **Будьте добры** (А. Мариенгоф. Циники).

– Пойду оформлю документы на ваше освобождение. – **Будьте так любезны** (А. Ростовский. Русский синдикат).

– Заварить прямо сейчас? – **Сделай милость** (А. Белянин. Свирипый ландграф).

– Хочешь, съезжу в город и притащу парочку дисков с фильмами? – Ага, – кивнула Манюня, – **сделай одолжение**. – Но ты за это будешь лежать (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки).

Последний в предложенном списке устаревающий оборот *сделай одолжение* может иметь саркастические коннотации, если обещание собеседника сделать / не делать что-л. было неохотным, вынужденным, данным под напором говорящего.

– Я всех предупредил, – миролюбиво сказал Дегтярев. – А меня не надо, – злилась Ольга, – я сама способна оценить ситуацию. – Ладно, больше не буду никого предупреждать. – **Сделай одолжение!** – выпалила Зая и резво зашагала по лестнице (Д. Донцова. Доллары царя Гороха).

Несоответствие вышло. Пожалуй, завтра я встречу тебя непричесанной, ненакрашенной и в старых тренировочных штанах Давида <...> – Завтра приду бритый. Обещаю. – **Сделай одолжение.** Нет-нет, не притрагивайся ко мне. Терпеть не могу, когда колются (Г. Маркосян-Каспер. Кариатиды).

4. Формат описания единицы, используемой как вводное слово и как коммуникатив, должен быть разным.

Если для лексикографического описания вводного слова или оборота достаточно его толкования и, для ряда единиц, синтаксической информации о его контактной позиции, то для описания коммуникатива требуется дополнительная информация. Поскольку коммуникатив – это самостоятельная реплика, часто релевантной оказывается информация о фразовом ударении. Так, оборот *будь добр* во вводном употреблении не несет фразового ударения (при небольшой паузе между вводным и предложением возможно слабое ударение на слове *добр*). Использование оборота в качестве коммуникатива предполагает сильное фразовое ударение на слове *будь*, и эту информацию необходимо ввести при лексикографическом описании единицы. Еще одним немаловажным компонентом описания данного коммуникатива (как, в прочем, и других) является его жестово-мимическое сопровождение: при выражении речевого акта благодарного согласия говорящий может опустить голову в легком поклоне.

Таким образом, несмотря на то, что вводные и коммуникативы имеют частично совпадающие списки и некоторые общие семантические характеристики, различия между ними велики настолько, что представляется более продуктивным описывать их в разных лексикографических форматах.

Литература

1. *Современный русский язык* / под ред. В.А. Белошапковой. М. : Высш. шк., 1981. 560 с.
2. *Ефремова Е.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001. 863 с.
3. *Словарь* структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М. : Изд-во альм. «Лазурь», 1997. 422 с.
4. Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/punctum/punctum-alphabet>
5. *Баранов А.Н., Кобозева И.М.* Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка: Синтаксические структуры : межвуз. сб. Красноярск, 1984. С. 83–93.
6. *Розина Р.И.* Так называемый: семантика вводных метаязыковых оборотов // Материалы международной конференции Диалог 2009. М., 2009. Вып. 8 (15). С. 426–432.
7. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. М. : Школа «Языки славянской культуры», 2011. 464 с.
8. *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та русского языка АН СССР. 1950. Т. 2. С. 38–89.

9. Везбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 402–421.
10. Апресян Ю.Д. Свойства прагматической информации: Прагматическая информация для толкового словаря // Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 2. С. 135–155.
11. Keller E. Gambits: Conversational strategy signals // Conversational routine / ed. by F. Coulmas. The Hague, Netherlands : Mouton, 1981. P. 93–113.
12. Coulmas F. Introduction: Conversational Routine // Conversational Routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague : Mouton, 1981. P. 1–17.
13. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. 207 с.
14. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 206 с.
15. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руковод. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 1997–2003. Вып. 1–3.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>

PARENTHETICAL WORDS AND COMMUNICATIVES: SEMANTIC AND PRAGMATIC ASPECTS OF DESCRIPTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 51. 58–68. DOI: 10.17223/19986645/51/6

Igor A. Sharonov, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: Igor_sharonov@mail.ru

Keywords: parenthetical words and expressions, communicatives, semantics, pragmatics, lexicography.

The article is devoted to peripheral language units: (1) to parenthetical words and expressions and (2) to response units (communicatives). These language units act as pragmatic markers in discourse; they reproduce the speaker's attitude to what (s)he is saying at the moment.

Parenthetical words and communicatives are often treated as special discursive words and as gambits in discourse analysis: markers of a speech act these units are attached to for a more smooth flow of communication. These units have very poor grammar, they are idiomatically fixed and can hardly be analyzed by means of traditional linguistic devices. One can find out the meaning and usage features of parenthetical words and communicatives by looking at the way these units function in discourse and by analyzing the communicative tasks they fulfill.

The first part of the article is devoted to the syntactic, semantic and pragmatic characteristics of parenthetical words. It is noted that the many parenthetical words specify and intensify a speech act. The addresser includes such units in her/his speech to make it more fluent, to make the addressee ready to perceive the coming speech act, or to intensify the speech act effect.

Communicatives are words and word combinations used in dialog as response units. They are used to express agreement, disagreement, to answer etiquette formulas, to express different emotions and so on. In many linguistic works communicatives and parenthetical words are treated as one functional class. The words (and collocations) analyzed in the article can be used in discourse in both functions. Yet it is demonstrated that the functions and meaning of these groups of words are fundamentally different, and it is the reason to divide these groups and study them separately.

Parenthetical words are only an optional supplement to speech act, while communicatives ARE speech acts, interaction moves in dialog. Opposite to parenthetical words, communicatives have phrase stress; being communicative reaction these units are accompanied with emotional mimics and gestures in oral dialog. All this information is very important for the description of communicatives.

Some words used in both functions differ greatly in their meanings. For example, such synonymic collocations as *bud' tak dobr*, *bud' tak liubezen*, *sdelay milost'* [be so kind] as parenthetical words are used before or next to the directive to make it more delicate and polite; as a communicative unit these collocations fulfill the role of a thankful and a bit old-fashioned agreement, after the speaker gets a courteous offer to help him/her to do something useful to him/her or to somebody else.

References

1. Beloshapkova, V.A. (ed.) (1981) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Efremova, E.F. (2001) *Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of functional parts of speech of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Morkovkina, V.V. (ed.) (1997) *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of structural words of the Russian language]. Moscow: Izd-vo al'm. "Lazur".
4. Gramota.ru. [Online] Available from: <http://new.gramota.ru/spravka/punctum/punctum-alphabet>. (In Russian).
5. Baranov, A.N. & Kobozeva, I.M. (1984) *Vvodnye slova v semanticheskoy strukture predlozheniya* [Introductory words in the semantic structure of the sentence]. In: Beloshapkova, V.A. (ed.) *Sistemnyy analiz znachimyykh edinits russkogo yazyka: Sintaksicheskie struktury* [System analysis of notional units of the Russian language: Syntactic structures]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
6. Rozina, R.I. (2009) [The so-called: the semantics of the introductory meta-linguistic constructions]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the International Conference Dialogue 2009. Bekasovo. 27–31 May 2009. Moscow: RSUH. pp. 426–432. (In Russian).
7. Paducheva, E.V. (2011) *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke* [Semantic research. Semantics of tense and aspect in Russian]. Moscow: Shkola "Yazyki slavyanskoy kul'tury".
8. Vinogradov, V.V. (1950) O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [On the category of modality and modal words in the Russian language]. *Trudy In-ta russkogo yazyka AN SSSR*. 2. pp. 38–89.
9. Wierzbicka, A. (1978) Metatekst v tekste [Metatext in text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 8. pp. 402–421.
10. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Keller, E. (1981) Gambits: Conversational strategy signals. In: Coulmas, F. (ed.) *Conversational routine. Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*. The Hague, Netherlands: Mouton.
12. Coulmas, F. (1981) Introduction: Conversational Routine. In: Coulmas, F. (ed.) *Conversational routine. Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*. The Hague: Mouton.
13. Baranov, A.N., Plungyan, V.A., & Rakhilina, E.V. (1993) *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow: Pomovskiy i partnery.
14. Kiselevoy, K. & Payara, D. (eds) (1998) *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse words of the Russian language: the experience of a context-semantic description]. Moscow: Metatekst.
15. Apresyan, Yu.D. (ed.) (1997–2003) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Vols 1–3. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
16. National Corpus of the Russian language. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru>. (In Russian).